

УДК 94(47)

М.В. ШИЛОВСКИЙ

ОЦЕНКА СИБИРСКИМИ ОБЛАСТНИКАМИ РЕФОРМ 1860–1870-х гг.

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

В статье анализируется непосредственная реакция сибирских областников Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, С.С. Шашкова, Н.И. Наумова и других на реформы 1860–1870-х гг., прослеживается эволюция их оценок рассматриваемого события.

Ключевые слова: реформы 1860–1870-х гг., областничество, Сибирь, крепостное право, общественно-политическая жизнь, правительство, общество.

Как известно, Великие реформы 1860–1870-х гг. только частично и с большим запозданием (например, судебная) коснулись Сибири. Из-за отсутствия в регионе частных периодических изданий местная интеллигенция не оставила нам свидетельств непосредственной реакции на предпринятые правительством Александра II преобразования. Тем большую ценность представляют воспоминания и оценочные суждения областников (А.П. Шапов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков, Н.С. Щукин, Н.И. Наумов и др.) – участников сибирского земляческого кружка в Петербурге (1859–1863 гг.), вернувшихся потом на родину и арестованных летом 1865 г. по делу об отделении Сибири от России. Уникальность источников личного происхождения, вышедших из-под их пера, а также публицистических и литературных произведений сторонников упомянутого выше течения отечественной общественно-политической мысли и движения опре-

деляется непосредственной «включенностью» их авторов в кипящую атмосферу первой российской «оттепели» XIX в.

«Я помню, – подчеркивал Н.М. Ядринцев, – мы приехали в столицу в половине 1860 года. Это было время радостных надежд и упований перед освобождением крестьян... Акт нашего самосознания совпал с великим актом пробуждения русской жизни. Мы помним это время и не можем не отметить его... Трудно передать этот момент русской жизни и состояние русского общества, оно скорее запечатлено в чувствах, в смутных грезах и образах, чем поддается сознанию и определенным воспоминаниям. Прежде всего, как-то особенно чувствовалось все по-весеннему, везде была весна: и в воздухе, и в сердце; какой-то гул шел по Руси, слышался повсюду живой, открытый, нестесненный говор, точно сразу люди были выпущены откуда-то и заговорили от полноты души, и торопились высказать все, что

наболело на душе, что скрывалось, но чувствовалось. Чего-то все ждали. Всех охватывал этот трепет ожидания чего-то хорошего, счастливого. Переживалось нечто необыкновенное, что не переживалось ни до, ни после этого. Не было кругом давящего кошмара, не было ощущения робости и рабского трепета, почти панического страха, воспитанного с детства, который проникал прежде до глубины русского человека, сжимал душу и вечно заставлял скрывать собственные помыслы. Каждый вдруг стал говорить: “могу”, “хочу”, и все почувствовали, что холодный трепет более не охватывает организма, ничто не сжимает горла. Всем дозволено было жить, и мыслить, и говорить, как чувствуется» [1, с. 181–282].

В оценках, выводах, общей тональности областнических сочинений можно выделить два этапа, рубежом между которыми стали студенческие волнения в Петербурге осенью 1861 г. На первом – происходило погружение молодых сибиряков в атмосферу повседневной жизни российского общества и его столицы. По признанию Г.Н. Потанина, несмотря на семилетний стаж службы казачьим офицером, в Европейской России он впервые воочию столкнулся с помещичьим бытом, известным ранее только по произведениям Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева, посетив во время летней экскурсии 1860 г. в Рязанскую губернию имение своего дяди В.Ф. Трунина и его жены, урожденной Ляпуновой, в селе Верейкино. Его прежде всего поразила обстановка крестьянского дома, состоявшего из одной комнаты. «Я был озадачен, – признается Григорий Николаевич. – Изба, посреди которой я стоял, имела земляной пол; тут же вместе с детьми спали и телята». Почувствовал он и настроения дворян-землевладельцев, выступавших против отмены крепостного права, и настроения, витавшие в обществе:

Тогда вопрос об освобождении крепостных крестьян волновал всю Россию. На железных дорогах пассажиры третьего класса, крестьяне, вели открыто неумолкавшие разговоры об освобождении. То же самое было и на собраниях интеллигентных людей, в театрах и ресторанах. Помещики со страхом ждали, когда и как разрешится надвинувшаяся на них туча, и молились богу: «Пронеси, господи, тучу мороком!» [2, с. 127, 129].

Уже к моменту приезда в Петербург у молодых сибиряков оформились радикально-демократические воззрения. За время пребывания в университете они приобретают четкую направленность.

«...Три года, проведенные нами в Петербурге перед отъездом в Сибирь, имели для нас воспитательное значение, – признается Г.Н. Потанин. – Это был самый разгар шестидесятых годов, совершенно исключительное время. Новые идеи, новые течения обильно сыпались на наши головы» [2, с. 158].

Большое воздействие на общественно-политические взгляды моих героев оказала атмосфера Петербургского университета того времени. В 1888 г. Н.М. Ядринцев свидетельствовал:

Петербургский университет тогда представлял учреждение, какое другим поколениям уже не суждено видеть... Достаточно вспомнить даровитые лекции покойного Н.И. Костомарова, на которые стекался весь Петербург, чтобы понять то влечение и обаяние, которое имел тогда университет для общества и студентов. Нам не забыть никогда публичного чтения Н.И. Костомарова, когда университетская зала была наполнена 2500 человеками и все это гудело от восторга и экстаза, не забыть публичных диспутов с Погодиным, когда Н.И. Костомарова студенты выносили на своих руках. И это было не одно торжество университета: ликовало общество, общество просвещенных людей Петербурга, вся интеллигенция, мало того, даже аристократические салоны были прикованы и увлечены жизнью университета. «Студенты» были почетное имя, и они гордо подняли голову [1, с. 282].

В рамках такой этой возвышенно-радикальной атмосферы 1859–1860 гг. потрясающее впечатление на студенчество произвели лекции по отечественной истории профессора-сибиряка А.П. Щапова в Казанском университете.

«Скажу наперед, – начал он первую из них 11 ноября 1860 г., – не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности вступаю я на кафедру русской истории... Идея единодержавности не заключается в понятии народности».

Отечественная история развивалась в борьбе народности и областности с централизацией и государственностью. Она сопровождалась расколом, бунтами С. Разина и Е. Пугачева, «прогрессивными стремлениями и действиями лучших людей» XIX в. (А.Н. Радищев, К.Ф. Рылеев, А.Н. Гоголь, Искандер (А.И. Герцен)). Идея народности, по мнению А.П. Щапова, породила неотвратимость реформ и освобождение крепостных. Она вызвала к жизни тайные общества и «торжественно заявила в истории свое право 14 декабря» [3, с. 12, 17, 37].

Ощущение праздника начало исчезать в мироощущениях моих героев после обнародования Манифеста 19 февраля 1861 г. и расстрела 12 апреля 1861 г. крестьян с. Бездна Спасского уезда Казанской губернии, пытавшихся в свою пользу трактовать текст «Положения». Первой реакцией на это была ставшая знаменитой Куртинская панихида в Казани 16 апреля 1861 г., подготовленная при активном участии студентов-сибиряков С.С. Шашкова и А.Х. Христофорова. С яркой речью на ней выступил А.П. Щапов, в частности, заявивший в отношении жертв расправы:

Вы первые нарушили сон, разрушили своей инициативой наше несправедливое сомнение, будто народ наш неспособен к инициативе политических движений. Вы громче царя и благороднее дворянина сказали народу: ныне отпускаешь раба твоего. Земля, которую вы возделывали, плодами которой питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла Вас мучениками в свои недра, – эта земля воззовет народ к восстанию и свободе. Мир праху Вашему и вечная историческая память

Вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократическая конституция! [4, с. 91–92].

Розовый флер ожиданий окончательно рассеялся после студенческих волнений осенью 1861 г., вызванных резким сокращением квоты на бесплатное слушание лекций: многие молодые сибиряки лишались возможности продолжить обучение. Активное участие в протестных действиях приняли «отставной сотник войскового управления Сибирского казачьего войска Григорий Потанин» и ряд его земляков. Уже в январе 1862 г. Григорий Николаевич пишет своему постоянному корреспонденту Н.С. Щукину в Иркутск: «Ваша программа как будто написана еще в 1856 году, во время возрождения наук, [когда] правительство и общество пошли путем реформ. А на самом-то деле ни правительство, ни общество не пошли по этой дороге, правительство надувает, а общество спит» [5, с. 59].

В последующем негативная характеристика реформ, прежде всего связанных с ликвидацией крепостного состояния, была закреплена в рукописной прокламации «Патриотам Сибири», написанной, по моему мнению [6, с. 98–110], в первой половине 1863 г. в Петербурге Н.М. Ядринцевым и С.С. Шашковым на основе составленной С.С. Поповым прокламации «Сибирским патриотам» [7, с. 37]. В ней вопрошается:

Чем увенчались его [правительства] реформы? Рядом с освобождением крестьян мы видим невинно пролитую кровь, крестьянскую кровь и отдачу необходимой крестьянам части земли помещикам. Рядом с облегчением, под громким именем освобождения [от] телесного наказания, мы видим ссылку и каторгу, мученья и казни лучших граждан, осмелившихся говорить в защиту народа [8, с. 93].

По мере осуществления реформ областники начинают выступать за их распространение на Сибирь. Первым пробным камнем стала земская реформа 1864 г., которая не коснулась региона. И давая показания следственной комиссии в Омске 21 июля 1865 г., С.С. Шашков на вопрос об актуальных проблемах сибирской жизни в качестве таковых обозначил: развитие образования и открытие университета, введение гласного судопроизводства и земских учреждений, распродажа «земли в частные руки»¹.

Следует заметить, что даже в среде, близкой к сторонникам движения, не все разделяли их радикальные взгляды и критическое отношение к проводимым реформам. Показательно в этом отношении мнение вольнослушателя Петербургского университета, выпускника Томской гимназии, «из мещан, знавшего и переписавшегося с Потаниным и Ядринцевым в Санкт-Петербурге» И.А. Лукина от 26, 27, 28 января 1866 г. Прежде всего, он подверг критике идею отделения Сибири от России:

«Познакомившись с новейшими европейскими революциями по тем книгам, которые изданы на русском языке, – свидетельствовал единомышленник областников, – и

прийдя к тому заключению, что подобные перевороты ни к чему не ведут. Виноват, ведут к огромной напрасной трате экономических (рабочих) сил государства, я стал направлять свои мысли на решение подобного вопроса мирным путем. И теперь, относительно этого вопроса, я думаю так: с Сибирью в отдаленном будущем (примерно 400 или 500 лет) может случиться что-нибудь подобное Американским Штатам. А приводить подобную идею в исполнение в настоящее время чистая химера. Каждый разумный человек, прежде чем достигать политической независимости, будет стремиться к независимости экономической. А где же фабрики и заводы в Сибири? Их нет».

Отсюда необходим мирный, реформаторский подход посредством устройства фабрик и заводов, технической модернизации. «Поэтому каждый благоразумный человек вместо того, чтобы толковать о несбыточных надеждах, лучше бы посоветовал, хоть мужику купить ткацкий станок, да и сам бы немного помог. Имя такого человека я выставлю всегда выше химеристам подобных Потанину. Себя я назову экономическим сепаратистом и буду стремиться к экономической независимости от московских фабрикантов, купцов и тому подобных эксплуататоров. Не Россия приносит вред Сибири, а московские купцы». Поэтому, «я предлагаю идти по совершенно другой дороге, нисколько не вредя правительству, а даже пользуясь с благодарностью его благами реформами, то общего с Потаниным ничего не имею и участия в его замыслах никакого не принимал»².

Областники продолжали критику проводимых реформ. Прежде всего одну из коренных причин явной неэффективности преобразований они видели в коррумпированности чиновничества. «Твердя о реформах, – утверждалось в прокламации «Патриотам Сибири, – оно [правительство] не дает народу заботиться о своих нуждах чрез выборных и вверяет судьбу его, по прежнему, подлому чиновничеству, столько лет сосавшему народную кровь» [8, с. 93]. Попытки улучшить положение поступлением на государственную службу положительного эффекта не давали. Подводя итоги своей чиновничьей карьеры в Сибири, Н.И. Наумов в расказе «Зажора» (1881) вынужден был признать:

Но в это время я был еще молодым и смотрел на службу как вообще смотрели на нее молодые идеалисты шестидесятых годов. Эти люди не ограничивались только формальным исполнением предписаний. Они смотрели на службу не как на средство существования. Приняв на себя служебную миссию, они стремились приносить народу осязаемую помощь, изучать их нужды, защищать его интересы, преследовать всеми зависящими средствами зло, разъедающее жизнь народа, а по возможности указывать на те средства, которые вернее всего могли бы уврачевать язвы, сложившиеся веками на его организме. Большинство этих людей, столкнувшись с неодолимыми препятствиями, потерпели полное разочарование, и многие из них, обвиненные в политической неблагонадежности единственно потому,

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 13. Л. 156.

² Там же. Д. 15. Л. 109–110.

что не брали взяток и мешали брать их другим, покинули навсегда служебное поприще [9, с. 628].

Н.М. Ядринцев в 1884 г. следующим образом оценил период реформ с точки зрения воздействия на своих единомышленников:

Время перелома, критики старых начал мы пережили живо, отдаваясь ему. Наши земляки, как я замечал, были весьма восприимчивы к новым теориям, к новаторству, из них выходили самые ревностные прозелиты новых направлений. Я могу объяснить это разве тем, что сибиряки вообще не имеют традиций, предрассудков, у них нет ничего позади, и взор их устремлен вечно в будущее. Точно так же они не были лишены твердости и мужества в преследовании своих убеждений. Я почти не знаю из наших товарищей ренегатов и отступивших впоследствии от лучших традиций своей юности, и несчастный, полупомешанный Щукин составлял исключение. Наше поколение в общих теориях осталось на грани между 60-ми и 70-ми годами. Не восприняв крайности последних, унаследовав самые светлые и лучшие верования первых, писатели моего времени перенесли эти лучшие надежды на свою родину и взлелеяли их. Теория 70-х и 80-х годов только отвлекла сибиряков от их родины и почти не дала заметных деятелей на поприще литературы [10, с. 313].

Исходя из этих позиций, в 1891 г. незадолго до смерти в памфлете «Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад» Николай Михайлович сформулировал интегральную оценку реформ Александра II и Александра III:

В действительности после освобождения крестьян «община сильно изменила свой склад, выдвинулось кулачество, появились обезземеленные крестьяне и в России обнаружился тот же аграрный вопрос и безземелье, которое считалось только язвой Запада. Община на экономическом пути не сделала прогресса, она дальше от ассоциации, чем европейский крестьянский мир. Крестьянство так же отстало в культуре, как 100 лет назад, бедно, как было при крепостном праве». Николаевская Россия «исчезла вместе с обаянием силы. Александровская обновленная Россия также исчезает и стирается... Мы видим, что это эпоха застоя, разложения и внутреннего и внешнего бессилия». «Нет проявлений общественной жизни». «Открещивание от западничества и конституционных идей, парламентаризма и общечеловеческих прав, внесенных реформами царствования Александра II, породило тьму, создало особую атмосферу, которая уже дает себя чувствовать» [11, с. 210–211, 211–212, 217, 220].

Таким образом, в «Иллюзии величия...» Н.М. Ядринцев, во-первых, пытается подтолкнуть правительство к продолжению европеизации страны, взять его на «испуг», предсказывая очередное военное поражение; во-вторых, констатирует крах народнических иллюзий об особом пути развития России: «Идеалисты начали разочаровываться в общине, и вместо общинников появились марксисты» [11, с. 211].

Переживший своих друзей и единомышленников Г.Н. Потанин в начале XX в. в своих мемуарах (1913–1915 гг.) уже с умеренно-либеральных позиций оце-

нивает 1860–1870-е гг., сравнивая их с ситуацией накануне и в период Первой русской революции:

Счастливым тогда было время. То была весна русской жизни, вроде так называемой «весны Святополк-Мирского», но лучше ее. Та старая весна вспоминается с более приятным чувством, чем позднейшая; дело в том, что весна шестидесятых годов обвеена надеждами. Тогда реформы следовали одна за другой; одна реформа опубликована, а в печати уже намечается другая, а за ней и третья и четвертая; целая перспектива реформ. И общество было уверено, что эти обещания не обман, потому что, действительно, реформы следовали за реформами. Общество было настроено празднично, и даже голос оппозиции, в лице Герцена, звучал доверием и оптимизмом. В 1905 году была объявлена «реформа», а не «реформы», дана конституция, и все-таки будущее представлялось серым, а настоящее самими скучными буднями. Обществу предоставлено ожидать реформ, которые должен дать русский парламент, но когда это будет, совершенно неизвестно [2, с. 163].

Таким образом, на примере творчества Г.Н. Потанина четко отслеживается эволюция взглядов части областного актива в отношении оценки реформ 1860–1870-х гг. – от сдержанно-отрицательной до эмоционально-положительной.

Весна шестидесятых годов была настоящая весна, – уверяет Григорий Николаевич, – то была пасхальная неделя. Царские врата раскрыты настежь, пение клиросов благоуханно, на душе отраднo, и прежде всего отраднo потому, что в ней затихли враждебные чувства к политическим противникам. Затихла обязательная для честного гражданина злоба против «тупой морды», стоящей «поперек прогресса», которая так бесила Щедрина [2, с. 163].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядринцев Н.М. Воспоминания о Томской гимназии (1888) // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4.
2. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Томск, 1983. Т. 6.
3. Шапов А.П. Общий взгляд на историю великорусского народа // Изв. Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1926. Т. 33, вып. 2–3.
4. Маджаров А.С. Афанасий Шапов. Иркутск, 1992.
5. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1.
6. Шиловский М.В. Об авторстве и времени написания прокламаций «Патриотам Сибири» и «Сибирским патриотам» // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987.
7. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008.
8. Дело об отделении Сибири от России. Томск, 2002.
9. Наумов Н.И. Избр. произв. Новосибирск, 1951.
10. Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4.
11. Ядринцев Н.М. Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4.